

ПРЕДВАРЯЮЩИЕ ЗАМЕТКИ

«Вчерашний раб, уставший от свободы, возропщет, требуя цепей», – эти строки Максимилиана Волошина достаточно точно отражают и сегодняшнее состояние российского общества.

Этой книгой я приглашаю читателей поразмышлять о судьбе России и ее народов в прошлом столетии и начале нынешнего, о том, почему Россия увязла в смутах, революциях и контрреволюциях, войнах и конфликтах, в кровавых репрессиях, ленинско-сталинской деспотии и людской нетерпимости. Почему сегодня чиновничий авторитаризм грозовой тучей повис над страной.

Свои рассуждения о прошлом я рассматриваю через призму событий Мартовско-апрельской демократической революции 1985 года, ее истоков и причин, равно как и последствий Реформации России. Сегодня собралась многочисленная толпа критиков **Перестройки**. Конечно нас, реформаторов первой волны, есть за что критиковать. Я и сам это делаю, не щадя ни себя, ни других. Но сейчас считаю уместным ответить тем критикам, которые назойливо утверждают, что преобразования в 1985 году начались без всякого плана и даже без идей.

Что касается плана, то его и не могло быть. Крутые общественные перемены, связанные со сменой общественного строя, не могут иметь точно обозначенных программ, тем более – расписаний действий. Очень часто много складывается из случайностей, неожиданностей характеров и капризов людей, особенно лидеров или главарей, их трусости и смелости, коварства и мягкосердечия. Трудно, скажем, поверить в закономерность термидорианского переворота во Франции в 1794 году или октябрьского контрреволюционного переворота в России в 1917 году. То и другое произошло вопреки «законам истории», на которых строится философско-историческая концепция марксизма. В это связи следует согласиться с утверждением Бокля, что революция – это «варварская форма прогресса».

В конкретных условиях 1985 года было бы политическим мальчишеством, губительным авантюризмом предложить правящей номенклатуре некий «план» коренной реформации общественного строя, включавшей в себя ликвидацию моновласти, моноидеологии и монособственности. Кто бы принял его? Кто? Аппарат партии и государства? КГБ? Генералитет? Речь-то шла о смене жизненного уклада, а не только о санитарной обработке грязного белья.

Что касается конкретных предложений, то их было в достатке. И не только у людей, которые осознанно встали на путь реформ. Уже в первые месяцы Перестройки на Политбюро говорилось о том, что необходимо вести дело к прекращению «холодной войны» и ядерного противостояния, афганской войны, о децентрализации экономики. Активно обсуждались

проблемы демократизации общественной жизни. Подчеркивалось, чтобы все политические шаги носили эволюционный характер, исключали насилие.

Что касается моих личных представлений о будущем страны, то они были достаточно определенными. В этой связи позволю себе упомянуть два моих документа, относящихся к декабрю 1985 года, то есть первого года Перестройки. Один – из моего архива, другой – из архива М. Горбачева. Публикую их с некоторыми сокращениями.

Многие из этих соображений нашли отражение в моих более поздних выступлениях и статьях. Но не только. Сегодня данные документы могут представлять интерес как временем их создания, так и тем, что они помогают понять, как это все начиналось, поскольку значительная часть того, о чем будет сказано ниже, постепенно входила в жизнь.

Заметки из моего архива:

«1. О теории. Догматическая интерпретация марксизма-ленинизма настолько антисанитарна, что в ней гибнут любые творческие и даже классические мысли. Люцифер, он и есть Люцифер: его дьявольское копыто до сих пор вытаптывает побеги новых мыслей. Сталинские догмы чертополошат, и с этим, видимо, долго придется жить.

Общественная мысль, развиваясь от утопии к науке, осталась во многом утопической. Утопической, ибо механически виделись представления о строительстве социализма, быстром перескоке в коммунизм, об обреченности капитализма и т. д. Слишком жидкими были информационные поля, которые обрабатывались предшественниками. В нашей практике марксизм представляет собой не что иное, как неорелигию, подчиненную интересам и капризам абсолютной власти, которая десятки раз возносила, а потом втаптывала в грязь своих собственных богов, пророков и апостолов.

Но коль скоро речь идет, прежде всего, о самих себе, то необходимо хотя бы попытаться понять, как мы, стремясь ввысь, к вершинам благоденствия материального и совершенства нравственного, отстали.

Политические выводы марксизма неприемлемы для складывающейся цивилизации, ищущей путь к смягчению исходных конфликтов и противоречий бытия. Мы уже не имеем права не считаться с последствиями догматического упрямства, бесконечных заклинаний в верности теоретическому наследию марксизма, как не можем забыть и о жертвоприношениях на его алтарь.

Столь назревшие прорывы в теории способны обуздать авторитарность, пренебрежение к свободе и творчеству, покончить с моноидеологией.

2. О социализме и социалистичности. Хрущевский коммунизм был разжалован в брежневский «развитой социализм», но от этого наши представления о социализме не стали убедительнее – это мягко говоря.

Почему так? На мой взгляд, потому, что все представления о социализме строятся на принципе отрицания. Буржуазность введена в сан Дьявола. С рвением более лютым, чем святоинквизиторы, ищут чертей и

ведьм в каждой живой душе. Ложью отравлена общественная жизнь. «Руководством к действию» сделали презумпцию виновности человека. Двести тысяч подзаконных инструкций указывают человеку, что он потенциальный злоумышленник. Указано, какие песни петь, какие книги читать, что говорить. Свою порядочность нужно доказывать характеристиками и справками, а конформистское мышление выступает как свидетельство благонадежности.

Умертвив опыт катком извращенной классовости (Сталин даже в нищей стране «находил» постоянно рождающихся капиталистов), социализм тем самым отрезал себе путь в будущее – в вакуум дороги нет. И пошли назад в феодализм, а в Магадане и в иных «местах, не столь отдаленных», опустили до рабства.

Монособственность и моновласть – не социализм. Они были еще в Древнем Египте. К действительному социализму, на мой взгляд, нужно идти, опираясь на рыночную экономику, налаживая свободное, бесцензурное передвижение информационных потоков, создавая нормальную систему обратных связей.

Тысячу лет нами правили и продолжают править люди, а не законы. Надо преодолеть эту парадигму, перейти к новой – правовой.

Речь, таким образом, идет не только о демонтаже сталинизма, а о замене тысячелетней модели государственности.

3. Об экономике. Как мы умудряемся в потенциально самой богатой стране мира десятилетиями жить впроголодь и дефицитно?

Два невиданных ограбления – природы и человека – основной экономический закон сталинизма. Действием этих законов, и только им, объясняются «грандиозные, фантастические, невероятные» и прочие успехи страны...

В ранг закона введено абсурдное положение: «невозможно обеспечить непрерывный рост народного хозяйства без преимущественного развития производства средств производства». В итоге создана «экономика для экономики», развивающаяся уже независимо от Госплана. Несколько пятилеток подряд съезды партии и пленумы ЦК принимают решения об ускоренном развитии группы Б, но происходит все наоборот. Самоедство экономики разрушительно.

Смелее надо оперировать такими понятиями, как экологоемкость экономики, мегасинтез товара, времеемкость, качество как непознанное количество, информационное облагораживание товара (то, что в приближении именуется наукоемкой продукцией). Еще нет понимания, почему информация должна стать главным товаром мировой торговли, почему производство средств информатики – это локомотив экономики.

Демократическое общество может быть создано только тогда, когда все его руководители и народ поймут, осознают, что:

а) Нормальный обмен трудовыми эквивалентами возможен исключительно на рынке: другого люди не придумали. Безрыночный социализм – утопия, причем кровавая.

б) Нормальной экономике нужен собственник, без него нет и свободного общества. Уйдет страх, и старое общество развалится, ибо появится экономический интерес.

Человек – биосоциальное существо, движимое интересами. Есть интерес – горы свернет, нет интереса – спокойно проходит мимо своих годовых зарплат, валяющихся в металле или бетоне.

Отчуждение человека от собственности и власти – ген наших пороков. Преодолеть это отчуждение – императив Перестройки.

в) Обществу, как воздух, нужен нормальный обмен информацией. Он возможен только в условиях демократии и гласности. Нормальная система обратных связей – это вестибулярный аппарат общества.

Итак, основные слагаемые Перестройки:

а) рыночная экономика с ее оплатой по труду;

б) собственник как субъект свободы;

в) демократия и гласность с их общедоступной информацией;

г) система обратных связей.

4. Управление. Оно архаично, гениальным образом связывает человека по рукам и по ногам.

Будущее – в самостоятельных фирмах, межотраслевых объединениях и т. д. Предприятие, фирма, объединение должны иметь дело только с банком: финансово-кредитная система – вершина управленческой пирамиды. А Госплан должен составлять государственные и общественные программы, конкурсно распределяя ресурсы и капитальные вложения. А для этого нужен нормальный рынок всего и вся, но прежде всего рынок капитала.

Отраслевые министерства – это монстры сталинизма, станина механизма торможения экономических реформ, это супермонополии, где словно в «черной дыре» гасится научно-технический прогресс. Министерства могут только гнить. У нас практически нет государственной экономики. Есть отраслевая, мафиозная... Переложение затрат на потребителя и на природу, инфляционно-дефицитный способ хозяйствования – императив в отраслевой боярщине. Хрущев, разогнав министерства, был абсолютно прав. Но, к сожалению, сделал это, как и многое другое, в кавалерийском стиле.

5. О партии. Практика, когда партия в мирное время руководит всем и вся, весьма зыбкая. Соревновательность в экономике, личная свобода и свобода выбора на деле неизбежно придут в противоречие с моновластью. Но власть есть власть. От нее добровольно отказываются редко. Так и КПСС, особенно учитывая ее «орденомеченосный» характер. Надо упредить события. Возможно, было бы разумным разделить партию на две части, дав организационный выход существующим разногласиям. Но это особая тема для тщательного и взвешенного обдумывания».

Эти тезисы вызревали у меня давно, но их доработку я закончил к началу декабря 1985 года. Дату поставил 2 декабря – день моего рождения. Тогда я не показал их Горбачеву. Возможно, побоялся, особенно из-за того,

что там присутствовали тезисы о рыночной экономике и разделении партии. В то время я еще не был в составе высшего эшелона власти. Мог перепугать всех до смерти, а возможно, и навредить делу. Но через три недели, в конце декабря 1985 года, пользуясь тем, что с Михаилом Сергеевичем доверительные отношения развивались по восходящей, я все же решил превратить эти заметки в неофициальную записку Горбачеву. Озаглавил ее «Императивы политического развития».

«Апрель 1985 года лишь положил начало надеждам, но уже само его настроение отразило тревогу за происходящее. Жизнь втягивает общество в эпоху неизбежных перемен. Всякое торможение, пусть и неосознанное, губительно. Кроме прочего, политическая струна настолько натянута, что при срыве может ударить очень больно...

Цель всех грядущих преобразований – человек во всех его взаимосвязях и проявлениях - производство, общество, политика, культура, быт, интересы, психология, здоровье и т. д.

Сегодня вопрос упирается не только в экономику – это материальная основа процесса. Гвоздь – в политической системе, а вернее – в ее работе, движении, ее нацеленности на человека, в степени ее служебной роли. Отсюда необходимость:

1. Уничтожения разрыва между словом и делом, все более тесного слияния интересов личности, групп, общества в целом.

2. Последовательного и полного (в соответствии с конкретно-историческими возможностями на каждом этапе) демократизма.

3. Развития личности как самостоятельной и творческой.

4. Реального вовлечения всех и каждого в совершенствование жизни на местах и в государстве в целом. Это – главный пункт, от которого зависит решение и первых трех. Здесь же – основа ликвидации социальной неудовлетворенности, так как, во-первых, люди будут сами отмечать положительные сдвиги, темп которых значительно ускорится; во-вторых, они, приобретая вместе с правами и ответственность, сами будут видеть, что сегодня реально, а что – нет; в-третьих, не кто-то «сверху», а сами они, массы, будут ответчиками за все происходящее, в том числе и за все не сделанное и упущенное.

Об основных принципах Перестройки.

1. Демократия – это, прежде всего, свобода выбора. У нас же – отсутствие альтернативы, централизация. Мы как бы зажали диалектику противоречий и хотим развиваться лишь на одной их стороне. Отсутствие выбора во всех сферах и на всех ступенях (азиатское прошлое, история страны вообще, враждебное окружение и т. д.). Сейчас мы еще не понимаем сути уже идущего и исторически неизбежного перехода от времени, когда не было выбора или он был исторически невозможен, ко времени, когда без демократического выбора, в котором участвовал бы каждый человек, успешно развиваться нельзя.

2. *Комплексность реформирования всех сторон жизни – от экономики до «формальных», внешних признаков демократизма.*

3. *Одновременность или даже опережающими темпами в ключевых сферах (прежде всего – в партии).*

4. *Решительность, ограниченная лишь реальными возможностями, с учетом процесса постепенного – пусть и в перспективе – отмирания ряда государственных функций. Возможно, будет нужен и эксперимент локального (в пространстве и времени) значения.*

5. *Привлечение сил науки к разработке и проведению процесса экономической и политической демократизации и контроля за ее промежуточными результатами.*

О выборах. *Выборы должны быть не избранием, а выбором, причем выбором лучшего. Можно ограничить число выдвигаемых кандидатов (но не менее двух). Депутат должен зависеть от избирателей, действительно выражать их мнения своими устами, а не свое мнение от их имени. Подотчетность и сменяемость депутатов. Реальный отзыв депутатов – с публикацией, объяснениями.*

О гласности. *Всесторонняя гласность, исчерпывающая и оперативная информация – неременное условие дальнейшей демократизации общественной жизни.*

О судебной власти. *Реальная независимость судебной власти от всех других ее видов... Независимость судьи, реальные гарантии независимости – в принципах судоустройства, порядке отзыва и так далее... Судебная деятельность должна быть профессией. Сейчас желающих вмешиваться в отправлении правосудия хоть отбавляй. Надо рассматривать такое вмешательство как преступление, караемое по закону.*

Уголовный кодекс – твердость, стабильность. Неотвратимость и жесткость наказания для антиобщественных элементов, особенно для воров, беспощадность – для убийц.

О правах человека. *Должен быть закон о правах человека и их гарантиях, закон о неприкосновенности личности, имущества и жилища, о тайне переписки, телефонных разговоров, личной жизни. Осуществление права на демонстрации, свободу слова, совести, печати, собраний, права на свободное перемещение. Мы хотим, чтобы у каждого были великие гражданские обязанности, но это возможно лишь в том случае, если будут великие гражданские права. Широчайшая судебная защита прав личности по любому вопросу, вплоть до обжалования действий государственных органов. Гражданин должен иметь право предъявить иск должностному лицу и любой организации. Нужны административные суды. Надо конституционно зафиксировать обязанности государства по отношению к гражданину.*

Закон и подзаконные, нормативные акты. *Закон должен иметь императивный характер... Прокуратура, призванная в принципе следить за исполнением закона, бездействует по существу. Даже министры, не говоря*

уже о Совете Министров, нарушают большинство законов своими предписаниями и указаниями.

Человек должен иметь уверенность в лояльном и оперативном рассмотрении его нужд, жалоб компетентными людьми и организациями. Сейчас за незаконный отказ никогда и никого не наказывают. А вот за законное разрешение наказывают. Поэтому привилась система: сначала отказать, потом, может быть, положительно решить...

Экономические вопросы. Создание единой саморазвивающейся основы, обеспечивающей органическое единство интересов человека, коллектива и общества.

Право на хозяйственную инициативу не только у коллективов, но и у личности. Концерны и тресты на полном хозяйственном расчете. Возможно, подумать о том, чтобы вся система обслуживания и торговли была построена на кооперативных началах. Нужен кодекс хозяйственного права, но лишь при самостоятельности контрагентов. Нужен современный КЗОТ – у нас допотопный.

Обуздать Министерство финансов, которое в погоне за сегодняшней копеечкой лишает общество сотен и тысяч рублей завтра. Ликвидировать финансовый произвол.

Трансформация монополии внешней торговли, решительная интеграция с восточноевропейскими странами (как первый этап), а затем – и с Западом...

Это будет революционной перестройкой исторического характера. Пресс требований времени будет ослаблен. Такие вопросы, как активность личности, смена людей, борьба с инерцией и т. д., будут решаться без особых издержек. Политическая культура общества будет расти, а значит, и реальная стабильность».

Итак, холодный декабрь 1985 года, а для моего душевного мира наступала весна. Я как бы помирился с совестью, когда изложил свое личное представление о характере и путях общественных преобразований, как я их понимал к тому времени. Реформация еще только проклевывалась, как птенец из яйца. Власть КПСС еще казалась незыблемой. В преамбуле к этой записке я, конечно, писал, что предлагаемые меры приведут к укреплению социализма и партии, хотя понимал, что радикальные изменения в структуре общественных отношений приобретут собственную логику развития, предсказать которую невозможно, но в любом случае одновластие партии и сталинскому социализму там места не останется.

Читатель, прочитав эти давние соображения сегодня, надеюсь, поймет причины моей душевной оторопи от дней сегодняшних. Конечно же, я знаю, что ожидания редко совпадают с реальностью, что надежды всегда окрашены в романтические цвета, а жизнь швыряет их на жесткую, а порой и грязную землю. Понимаю и то, что Россия сделала огромный шаг вперед – к демократии и свободе и только квартиранты номенклатурных пещер не хотят этого признавать. И тем больнее видеть властные усилия по реставрации прошлого под флагом стабилизации, по ограничению свободы слова,

военизации сознания под флагом патриотизма. Сформировалась ложная концепция, гласящая, что экономические реформы возможны только в условиях авторитарной власти, поскольку, мол, характер нации пронизан своеволием, анархизмом, разгильдяйством. Каков народ, таковы и песни. Цинизм без границ.

Россия тысячу лет страдала от нищенства и бесправия. Если нынешняя чиновничья номенклатура, олицетворяющая социалистическую реакцию, не задушит уже осуществленные, равно как и объявленные реформы, то Россия спасена, и никто не остановит ее движение к свободе и процветанию. Но пока что продолжается медленное течение странного времени – времени выживания и надежды. А еще – времени равнодушия к бесправию и произволу. И гадания, как на лепестках ромашки, – «задушит чиновник – не задушит».

Господствующая и торжествующая продажная номенклатура, будучи авторитарной по определению, упорно формирует мнение о необходимости авторитарного режима, ловко использует их в целях усиления собственной власти. Набирающее силу отмывание прошлого, особенно злодеяний Ленина и Сталина, навязчивая пропаганда «славных подвигов» спецслужб, как грязных денег, – очевидное тому доказательство. Ползучая реставрация нарядилась в одежды стабилизации. Разрыв между словами и делами снова стал повседневным занятием политиков. Иными словами, непереносимо, когда рушится здание, в фундаменте которого есть и твои кирпичи. Даже в страшном сне не могло присниться, что по стране зашагают отряды мерзавцев, а не созидателей, готовых отстаивать свободу человека.

Не везет России с реформами. Давно не везет. Точнее и тоньше всех высмеял наши реформы, начиная с петровских, Николай Гоголь. Во 2-й части «Мертвых душ», которые превращены гением писателя из мертвых в «вечно живые», направил он незабвенного «вечно русского» – старого и нового – Павла Ивановича Чичикова к неистовому реформатору полковнику Кошкареву, истинному птенцу «гнезда Петрова», безгранично верившему в бюрократические начала реформ.

«Вся деревня была вразброску: постройки, перестройки, кучи извести, кирпичу и бревен по всем улицам. Выстроены были какие-то дома, вроде каких-то присутственных мест. На одном было написано золотыми буквами: «Депо земледельческих орудий»; на другом: «Главная счетная экспедиция»; далее: «Комитет сельских дел», «Школа нормального просвещения поселян». Словом, черт знает чего не было!

...Полковник принял Чичикова отменно ласково. По виду, он был предобрый, преобходительный человек: стал ему рассказывать о том, скольких трудов ему стоило возвести имение до нынешнего благосостояния; с соболезнаванием жаловался, как трудно дать понять мужику, что есть высшие побуждения, которые доставляет человеку просвещенная роскошь, искусство и художество; что баб он до сих <пор> не мог заставить ходить в корсете, тогда как в Германии, где он стоял с полком в четырнадцатом году, дочь мельника умела играть даже на фортепиано; что, однако же,

несмотря на все упорство со стороны невежества, он непременно достигнет того, что мужик его деревни, идя за плугом, будет в то же время читать книгу о громовых отводах Франклина, или Виргилиевы «Георгики», или «Химическое исследование почв»...

Много еще говорил полковник о том, как привести людей к благополучию... Он ручался головой, что если только одеть половину русских мужиков в немецкие штаны – науки возвысятся, торговля подымется и золотой век настанет в России».

Когда Чичиков объявил о своих надобностях в неких душах, полковник попросил его изложить просьбу письменно, поскольку «без бумажного производства» никак нельзя, а Чичикову поможет специально отряженный комиссионер.

– Секретарь! Позвать ко мне комиссионера! – Предстал комиссионер, какой-то не то мужик, не то чиновник. – Вот он вас проводит <по> нужнейшим местам.

Чичиков решился, из любопытства, пойти с комиссионером посмотреть все эти самонужнейшие места. Контора подачи рапортов существовала только на вывеске, и двери были заперты. Правитель дел ее Хрулев был переведен во вновь образовавшийся комитет сельских построек. Место его заступил камердинер Березовский; но он тоже был куда-то откомандирован комиссией построения. Толкнулись они в департамент сельских дел – там переделка; разбудили какого-то пьяного, но не добрались от него никакого толку. «У нас бестолковщина, – сказал, наконец, Чичикову комиссионер. – Барина за нос водят...» Далее Чичиков не хотел и смотреть, но, пришедши, рассказал полковнику, что так и так, что у него каша и никакого толку нельзя добиться, и комиссии подачи рапортов и вовсе нет».

Кошкареву «вследствие этого события пришла ... счастливая мысль – устроить новую комиссию».

Выписал Гоголь и истинного реформатора – Константина Федоровича Костанжогло. Россиянина, но не русского. Ставшего русским. И вовсе не случайно дал Гоголь потному разумом и телом человеку нерусскую фамилию. Русский человек... он того, он, как Петрушка, в основном пьяный, а когда денег нет – просвещается. Петрушка... «имел даже благородное побуждение к просвещению, то есть к чтению книг, содержанием которых не затруднялся: ему было совершенно все равно, похождение ли влюбленного героя, просто букварь или молитвенник, – он все читал с равным вниманием... Это чтение совершалось более в лежащем положении в передней, на кровати и на тюфяке, сделавшимся от такого обстоятельства убитым и тоненьким, как лепешка...

У Костанжогло, избы всё крепкие, улицы торные; стояла ли где телега – телега была крепкая и новешенькая; мужик попадался с каким-то умным выражением лица; рогатый скот на отбор; даже крестьянская свинья глядела дворянином». И еще: «Когда вокруг засуха, у него нет засухи; когда вокруг неурожай, у него нет неурожая».

Костанжогло говорит:

«Думают, как просветить мужика! Да ты сделай его прежде богатым да хорошим хозяином, а там он сам выучится.

...Если плотник хорошо владеет топором, я два часа готов перед ним простоять: так веселит меня работа... И не потому, что растут деньги, – деньги деньгами, – но потому, что все это дело рук твоих; потому что видишь, как ты всему причина, ты творец всего, и от тебя, как от какого-нибудь мага, сыплется изобилье и добро...»

Ну, как сегодня пройти мимо Гоголя, этого мыслителя-провидца, если у него чуть не каждая сцена – это Россия сегодня. Что ни чиновник, то Кошкарёв. Ну, скажите мне, у кого из нынешних писателей можно найти столь глубокое и точное описание характера русского человека, его доброты и подлости, его таланта и тупости, его пьяной удалы и беспросветной лени, его жертвенности и равнодушия!

Вернемся, однако, к дням сегодняшним.

Уверен, что без осмысления духовного, экономического и политического наследия, определившего столь тяжкую судьбу России, ее боль, грехи и великие прозрения, невозможно понять ни истоки социальной болезни России, ни сегодняшние причуды жизни, так или иначе связанные с новым социальным выбором страны.

От прошлого ложью не скроешься... Мертвые все равно догонят живых и жестко потребуют нравственного покаяния. Да, от прошлого не спрячешься, от самих себя – тоже. Нам не обойтись без нового прочтения многих исторических явлений и событий, многотрудных и противоречивых процессов, имена которым – революция, контрреволюция и эволюция, свобода и анархия, власть и насилие, совесть и равнодушие. Их разнообразные переплетения с особой остротой обнажают извечные проблемы общественного бытия: соотношение целей и средств; принуждение и убеждение; разрушение и созидание; идеалы и действительность; сравнительная цена революций и эволюции; взаимоотношения народа и власти; иерархия классовая и общечеловеческой ценностной мотивации.

Для себя я считаю каждую страницу о падении и разложении человека в ленинско-сталинскую эпоху моим письмом к потомкам, которых, наверное, будут терзать сомнения, ибо то, что здесь дальше написано, быть не могло в обществе людей. Мне и самому не хочется в этом верить, но, увы, все это было.

Исповедь – тяжкое дело, если говорить и писать правду. И неблагоприятное. Особенно, когда пишешь о бедах России и ее народов с чувством любви и душевной тревоги за будущее детей своей страны, о России, необъяснимо странной, вековечно страдающей, мучительно мятущейся, ищущей свое счастье в этом мире.